

яго пакалення «от горя, разочарованья и стыда», паколькі «Родины на Родине все меньше» [1, с. 429] і паколькі яму захацелася «понятым быть сразу здесь и там» [1, с. 430] (г. зн. большой славы). Паэт засцерагае рускіх ад такой сітуацыі, калі «Родина из Родины уедет, // если все уедут из нее» [1, с. 430]. З Айчынай звязаны таксама такія паняцці, як царква (якая павінна быць намоленай), дом (які павінны быць надыханым дзецьмі і гасцямі) і любоў-каханне (якія павінны не пастарэць, не стаміцца і не стаць нянавісцю («Церковь должна быть намоленной...», 1995).

Такім чынам, нацыянальны характар рускіх Я. Еўтушэнка бачыць дваістым: узвышаным і прыніжаным, гераічным і дапатопным, ганарлівым і забітым. Сярод станоўчых якасцей рускіх называе жыццёстойкасць іх ментальнасці і далёка за межамі радзімы, іх рэлігійнасць, душэўную нязломнасць, здольнасць паэтаў ахвяраваць многім дзеля свайго паклікання, сярод адмоўных — безгаспадарлівасць, нястрымнасць, імкненне кляймоць-асуджаць іншых, бездухоўнасць моладзі. Паэт удзячны ўкраінцам за цёплы прыём падчас дэпутацтва, высока ацэньвае іх паэзію, прыгожую прыроду, палітыку незалежнасці і спачувае з нагоды Чарнобыльскай катастрофы і яўрэйскага генацыду ў Дробіцкім Яры падчас Вялікай Айчыннай вайны. Я. Еўтушэнка паказвае цяжкія выпрабаванні азербайджанскага і армянскага народаў падчас іх міжнацыянальных войнаў. Выступае за еднасць Расіі і за права іншых нацый на свабоду.

Літаратура

1. Евтушенко, Е. Первое собрание сочинений: в 8 т. / Е. Евтушенко. — М.: Neva group: АО «Х.Г.С.»; АСТ, 1997–2008. — Т. 6: 1983–1995. — 2003. — 623 с.

Тамара Симонова (Гродно)

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЛИСТИКЕ

Документально-художественная проза занимает важное место в современном литературном процессе, во многом продолжая инерцию своего бытования, сложившуюся в XX ст., когда ее позиции значительно укрепились и в периоды исторически значимые, переломные она оказывалась на переднем плане литературы. Интенсивное развитие исторического и историко-биографического романа, появление беллетризованной мемуаристики, широкая распространённость художественного очерка создали предпосылки для сближения и активного взаимодействия документализма и художественного принципа литературного изображения. Данная тенденция оказалась одной из доминирующих в словесном искусстве рубежа XX–XXI вв.

Л. Гинзбург процесс соотношения документального и художественного и динамику этих начал определяет как один из непреложных законов литературы. «Непрерывная связующая цепь существует между художественной прозой и историей, мемуарами, биографиями, в конечном счете — бытовыми «человеческими документами». Соотношение это в различные эпохи было сложным и переменным. Литература, в зависимости от исторических предпосылок, то замыкалась в особых, подчеркнута эстетических формах, то сближалась с

нелитературной словесностью. Соответственно промежуточные документальные жанры, не теряя своей специфики, не превращаясь ни в роман, но в повесть, могли в то же время явиться произведением словесного искусства» [1, с. 6]. Можно сказать, что фактографическое (документальное) и образное (художественное) видение мира сложилось еще в древности, что нашло впоследствии определенное проявление на всех этапах развития искусства, в том числе и словесного. Эти разнонаправленные возможности не могли быть полностью изолированными друг от друга, так как отражали свойства единого человеческого сознания. По мере развития литературы совмещение подлинного и творчески сконструированного приобретало все более активный характер и порождало новые формы словесного творчества.

Современная русская литература существует в иных геополитических, экономических и социокультурных условиях, чем это было в советский период, покрывающий подавляющую часть XX ст. Это, несомненно, накладывает свой отпечаток на ее специфику как в содержательном плане, так и в области художественной формы. Произошло очевидное раскрепощение сознания художника на мировоззренческом уровне и в эстетическом отношении, появилась реальная возможность его самореализации, что предполагает доведение до читателя творческого результата различными способами (издание книги, использование возможностей сетевой литературы).

На волне перестроечных перемен вышел из подполья и укрепил свои позиции постмодернизм, оказавший своеобразное влияние на традиционную реалистическую литературу. Это влияние определяется не только усвоением отдельных творческих приемов, но и некоторых мировоззренческих позиций постмодернизма, коррелирующих с настроениями людей «конца века», «конца эпохи», когда возникает чувство изжитости предшествующего опыта, разочарования в прежних символах веры, ощущения замкнутости жизненного цикла, что ставит под сомнение возможность новизны и, следовательно, перспектив, в том числе и области эволюции словесного творчества. Как отмечают многие исследователи, осуществляется формирование «нового типа поэтики, преобразующего элементы «родительских» систем в новое химическое соединение» [2, с. 583]. «...Рождается новая парадигма художественности. В ее основе лежит универсально понимаемый принцип относительности, диалогического постижения непрерывно меняющегося мира и открытости авторской позиции по отношению к нему» [2, с. 585].

В то же время, осознание «конца эпохи» побуждает обратиться к прошлому, осознать его сущность, извлечь уроки для прогнозирования грядущего исторического пути. Возникает ностальгическая потребность (независимо от конкретного — позитивного или негативного — отношения к прошлому) закрепить словом черты «уходящей природы». Все это порождает активизацию ретроспективных жанров: мемуары, дневники, автобиографические сочинения и т. д. В современном литературном потоке перемежаются произведения, целью которых является воссоздание подлинного облика истории (каким он представляется автору) и книги, утверждающие право художественного существования альтернативной истории или основанные на постмодернистском свободном смешении исторических реалий. При очевидной псевдоисторичности эти сочинения включают в себя элементы подлинных фактов прошлого, которые

поглощаются творческой фантазией писателя. Таким образом, очередной раз демонстрируется возможность интеграции документального и художественного начал, что порождает оригинальные модификации литературных сочинений.

В литературе рубежа XX–XXI вв. интенсификация сочетания документализма и художественности привела к значительному обновлению жанровой системы. Традиционно выделяемые жанры художественной документалистики дополнились новыми. Появились произведения, соединяющие в себе возможности разных типов художественно-документальной прозы, что, в частности, привело к созданию филологического романа (А. Найман «Поэзия и неправда», «Славный конец бесславных поколений», «Сэр», А. Генис «Довлатов и окрестности»), мемуарного дайджеста (Т. Катаева «Анти-Ахматова»), мемуарного романа (А. Рыбаков «Роман-воспоминание», В. Аксенов «Таинственная страсть»), мемуарной диалогии (А. Солженицын «Бодался теленок с дубом», «Угодило зернышко промеж двух жерновов»), мемуарных эссе (А. Вознесенский «На виртуальном ветру», Б. Ахмадулина «Нечаяние»), иронических мемуаров (И. Губерман «Пожилые записки», М. Ардов «Возвращение на Ордынку», «Вокруг Ордынки»), документальных новелл (Д. Гранин «Причуды моей памяти», А. Генис «Сладкая жизнь»), литературных (имеется в виду тематика текстов) заметок (А. Генис «Частный случай») и т. д. В иных случаях жанровая принадлежность произведения отчетливо не проявляется. В нем объединяются элементы разных жанров. Некоторые литературные критики склонны такие тексты зачислять по ведомству филологического романа, имея в виду взаимосвязь разножанровых фрагментов в его составе, не учитывая при этом, что филологический роман имеет вполне определенный предмет изображения: писателей, литературную среду, проблемы творчества. Среди сложно определяемых в жанровом отношении книг «Вечерний звон», «Книга странствий» И. Губермана, «Был ли Горький?» Д. Быкова и др.

Многое из перечисленного можно было бы механически отнести к собственно документальной прозе, если бы не яркость и неординарность образа повествователя, который является не только источником информации о действительно произошедшем, но в большинстве случаев оказывается центральным героем своего сочинения, преобразуясь в эксплицитного автора (признак художественности текста). Даже книга Д. Быкова, где самоценным объектом изображения оказывается Горький, написана так, что личность ее создателя, его позиция и вкус отчетливо явлены читателю. В данном случае имплицитный, растворенный в повествовании автор, обнаруживает себя пристрастностью рассказа о своем герое, неординарностью оценок, подчас приемами живого устного рассказа, обращенного к воображаемому читателю.

Усиление личностного компонента в современной художественной документалистике очевидно, что, собственно, во многом обеспечивает художественность произведения, которая определяется не только традиционной беллетризацией текста. Авторская концепция истории, биографии героя, наконец. Собственной жизни предполагает соответствующий отбор жизненного материала, привлечение определенных документальных источников, откровенные комментарии по поводу изложенной информации или аналитические рассуждения о предмете изображения. При этом писатель не считает себя обязанным разделять утвердившиеся мнения, встать на привычную точку зрения, зачастую

он оказывается в оппозиции к сложившимся стереотипам, стремится их разрушить или, по крайней мере, существенно скорректировать.

Индивидуальность авторской позиции и активность ее проявления определяют ряд новаторских черт современной художественно-документальной литературы, в том числе влияют на обновление и обогащение жанровой системы. Так, традиционный жанр мемуаров, сохраняя свое лидирующее место в современной художественно-документальной прозе, дополняется многими модификациями, что свидетельствует о расширении возможностей мемуаристики, которая уже не ограничивается безыскусными ретроспективными заметками, а стремится к сложным формам ретроспективного письма. Подобное стремление сопряжено с усвоением опыта художественной прозы, а также иных разновидностей документалистики: очерка, эссе, репортажа, статьи и др.

Сближение с художественной литературой вызвало к жизни мемуарный роман, где сам автор и люди, о которых он повествует, становятся своеобразными персонажами произведения с присущей им типизированностью характеров и поведения. Конкретные лица оказываются симптоматичными фигурами определенного времени, через них проступают его характерные черты. В книге В. Аксенова «Таинственная страсть» в роли знаковых персонажей эпохи шестидесятых предстают сам писатель и его собратья по литературному цеху: Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Владимир Высоцкий. В индивидуальности частных характеров и судеб проступают симптоматичные особенности целого поколения, очарованного возможностями «оттепели» и травмированного неосуществимостью связанных с ней надежд. Обобщение, заключенное в образах персонажей, породило даже видоизменение имен собственных: Рождественский — Роберт Эр, Вознесенский — Андреотис, Аксенов — Ваксон. «...Создавая их (друзей-шестидесятников — *T. C.*) романские образы, я отдавал себе отчет, что возникнут не клоны, не копии, а художественные воплощения, более или менее близкие к оригиналам» [3, с. 7], — в этом признании писателя отражена суть «олитературирования» документальной основы повествования.

Мемуары А. Солженицына фокусирует в себе воздействие, с одной стороны, романного мышления, с другой, — публицистики. Воспоминания писателя сконцентрированы вокруг темы «путь человека в истории», что сближает их с основной направленностью романа. Кроме того, широкий временной диапазон и событийная насыщенность продлевают рассказ «о времени и о себе». Мемуарная книга разрастается до размеров диалогии. Произведение А. Солженицына имеет отчетливо выраженный публицистический характер. Это проявляется в стиле, в том, что отдельные фрагменты текста можно сопоставить с жанрами памфлета, очерка, полемической заметки, статьи.

Расширение жанровых возможностей документалистики порождает новое качество литературного текста. Наряду с авторским словом широко используются исторические документы, воспоминания, эпистолярные источники, разного рода комментарии, цитаты художественных произведений, беллетризованные фрагменты. Таким образом усиливается информационность, обеспечивается та клиповость и динамичность, которые более всего отвечают ожиданиям читателя, воспитанного средствами массовой коммуникации и массового искус-

ства. При этом гибридный текст не всегда рассчитан на облегченное читательское восприятие, что подтверждается распространением в современных условиях филологического романа. Жанровое определение предполагает тематическую основу, связанную с миром литературы, а также мастерскую организацию сложного гибридного текста, включающего в себя многие из вышеперечисленных компонентов с обязательным добавлением рассуждений литературоведческого характера. Реализация ведущей темы нетривиальна, отличается индивидуальностью авторской стратегии и новизной ее воплощения, что, в частности, сказывается на специфике текста.

Филологический роман Гениса «Довлатов и окрестности» объединяет воспоминания об одном из лучших русских новеллистов второй половины XX в., в силу сложившихся условий оказавшегося в США, с профессиональным рассмотрением произведений С. Довлатова. В этом случае литературоведческий компонент соединяется с образностью художественного мышления. «Трагические события “Заповедника” освещены болдинским ощущением житивительного кризиса. Преодолевая его, Довлатов не решает свои проблемы, а поднимается над ними. Созревая, он повторяет ходы пушкинской мысли. Чтобы примерить на себя пушкинский миф, Довлатов должен был не прочесть, а прожить Пушкина» [4, с. 147]. Анализ творчества С. Довлатова сменяется каскадом сравнений, уподоблений, метафор. «Довлатовская книга настояна на Пушкине, как коньяк на рябине, Она вся пронизана пушкинскими аллюзиями...» [4, с. 150]. «Михаил Иванович проходит по книге как летающая тарелка — таинственным, так и не опознанным объектом» [4, с. 151]. «Орудую, как часовщик пинцетом, Довлатов вынимал из окружающего нужные ему детали» [4, с. 155].

Еще более разнообразен состав текста филологических романов А. Наймана, помимо отмеченных составляющих объединяющий в себе беллетризованные эпизоды, биографические описания, автобиографические фрагменты.

Многослойность текста отмечается в книгах, созданных по модели дайджеста. В их основе — извлечения из документальных источников (мемуары, переписка, дневниковые записи, очерковые заметки и пр.), дополненные комментариями составителя, авторская интенция которого организует разнородный материал, создает из него единое целостное образование.

Таким образом, в литературном процессе рубежа XX–XXI вв. очевидно усиление значимости художественно-документальной прозы. Это обстоятельство обеспечивается процессом интенсивного взаимодействия документалистики с художественной литературой, что порождает тенденции обновления жанровой парадигмы, формирование сложного гибридного текста.

Литература

1. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. — Л.: Худож. лит., 1977. — 442 с.
2. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — М.: Академия, 2003. — Т. 2 — 688 с.
3. Аксенов, В. П. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках) / В. П. Аксенов. — М.: Семь дней, 2009. — 592 с.
4. Генис, А. А. Частный случай. Филологическая проза / А. А. Генис. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — 445 с.